

Министерство образования и науки Российской Федерации

Волгоградский государственный университет

Институт археологии Российской академии наук

**НИЖНЕВОЛЖСКИЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИК**

Выпуск 10

2009

Волгоград 2009

«СТРИЖЕННЫЕ ГРИВЫ» И МИГРАЦИИ КОЧЕВНИКОВ. ОБ ОДНОМ МАЛОЗАМЕТНОМ ЭЛЕМЕНТЕ ЭКСТЕРЬЕРА КОНЯ

Б.А. Раев

Il n'y a de nouveau que ce qui est oublié.

J. Peuchet

(Нет нового, что не было бы забытым
[старым])

*Ж. Пёше*¹

Гравированные изображения на хорошо известном круглодонном серебряном сосуде из Косики неоднократно привлекали внимание исследователей. Достаточно назвать статью фон Галля (1997), в которой всесторонне проанализирован нижний фриз со сценой поединка всадников. Внимание более всего обращалось на одежду и вооружение персонажей, конскую сбрую, приводились аналоги композиции изображений - все, что позволило бы более или менее точно датировать и атрибутировать как сам сосуд, так и погребение в целом.

В 2001 г., когда у меня появилась возможность изучить этот сосуд *in situ*, я обратил внимание на незначительную деталь, которая отличала изображения всех лошадей. Их гривы были коротко подстрижены, но при этом у всех в центральной части, ближе к ушам животного, оставлен небольшой выступающий хохолок волос. У всех лошадей он выделен одинаково: тремя штрихами большей длины, чем те, которыми изображена грива (рис. 1). Аналоги этой необычной манере стрижки гривы обнаружались на произведениях торевтики, во фресковой живописи и иных видах изображений лошади на обширной территории и в широком хронологическом диапазоне. Нельзя сказать, что эта деталь не была замечена, но, как правило, она лишь упоминалась при описании конкретных предметов. Попробуем очертить круг доступных аналогий этому обычаю. Если верить принятой датировке, наиболее ранним воспроизведением зубца² на стриженной гриве встречается на фигурке конного лучника из Сибирской коллекции Петра I на (рис. 2,1). Она неоднократно публиковалась,

происхождение ее связывают с Восточным Ираном в широком понимании этого региона и датируют V-IV вв. до н. э. (ср.: Иванов, Луконин, Смесо́ва, 1984. С. 19, № 13). В специальной работе, посвященной всестороннему анализу скульптуры, М.П. Завитухина отнесла ее к кругу сакских памятников и датировала тем же временем (Завитухина, 1990. С. 24). В описании коня отмечен «клок волос, предназначенный для захвата (при посадке. - *Б. Р.*)» (Завитухина, 1990. С. 21 и сл.). Автор, таким образом, считает, что невыстриженный участок гривы имел сугубо практическое назначение³.

В сцене на войлочном ковре из 5-го Пазырыкского кургана, персонажи которой, судя по одежде, «не вполне» являются пазырыкцами (Полосьмак, Баркова, 2005. С. 26), всадник изображен на лошади со стриженной гривой. В верхней трети ее хорошо виден городок в виде треугольника (рис. 2, б). Ковер, как и весь комплекс кургана, принято датировать V-IV вв. до нашей эры. К тому же синхронному кругу (сакских, иранских) памятников относятся и парные бляхи из Сибирской коллекции с изображением сцены под деревом. Здесь над стриженными гривами всех четырех коней сохранены сравнительно широкие невыстриженные городки, расположенные немного ниже ушей (рис. 2, 4, 5).

В Центральной Азии известно несколько изображений лошадей с городками на стриженных гривах. Прежде всего следует назвать костяные поясные пластины из погребения в Орлате. Все лошади - а их на пластине девять⁴ - изображены со стриженными гривами, но не у всех оставлен невыстриженный городок. На левой пластине, с баталь-

ной сценой, он оставлен у двух из шести лошадей - по одной в составе каждой из сражающихся групп (рис. 3, а, б). На правой пластине со сценой охоты, городок есть у двух лошадей (рис. 3, в, г). Удивительно, что животные на безусловно парных, изготовленных для одного гарнитура пластинах изображены с городками разной формы. На левой пластине это пятиугольник с острой вершиной основанием вниз (рис. 3, а, б). У нижней лошади на правой пластине городок описанной выше формы (рис. 3, г), а у верхней - трапецевидный, узким основанием вниз (рис. 3, в).

У нижней лошади левой пластины показана еще торчащая вперед челка, манера изображения которой тремя короткими штрихами сближает ее с совершенно аналогичными изображениями городков на гривах у лошадей на сосуде из Косики. У этой фигурки оставлены не один, а два городка: один сразу за челкой, в верхней части гривы, второй - в нижней. Полемика, связанная с датировкой пластин, завершилась, кажется, единым мнением об их изготовлении в I—II вв. н. э. (Маслов, 1999. С. 229; ср.: Пуясов, 2003. Р. 274 ff.). В таком случае это самое раннее из известных мне в Центральной Азии изображение уже не одиночного городка.

Реалистично изображен одиночный городок у лошади в гравированной сцене охоты на костяной пластине из Тахти-Сангина. Невыстриженная часть гривы узкая, волосы длинные, может быть, заплетенные в косичку (рис. 2, 7).

Известны изображения городков на гривах и за пределами Центральной Азии. Из наиболее ранних следует назвать широкие прямоугольные городки на гривах некоторых глиняных скульптур коней из гробницы Цинь Шихуанди (рис. 2, 12). Такая форма стрижки лошадиной гривы, как и некоторые другие элементы узды и вооружения, была заимствована китайцами у их северных кочевых соседей (Пуясов, 2003. Р. 264).

Два городка на стриженной гриве лошади на граффито из Дура-Европос имеют треугольную форму (рис. 2, 9). Мне кажется неверным вывод О. Меншен-Хельфена, что эти городки не являются элементом стриженной гривы, поскольку такие же треугольные фигуры есть на шее всадника (Maenchen-

Helfen, 1957. Р. 109, Note 68). Этот рисунок, как и другие аналогичные граффито, был сделан во второй четверти III в. нашей эры. В это время в городе еще были живы парфянские традиции (Пуясов, 2003. Р. 268), и рисунки отражают реальные атрибуты одежды, вооружения и снаряжения верховой лошади.

В период интенсивного проникновения в Причерноморье носителей восточных кочевых традиций стриженные гривы с городками появляются в росписях Боспорских склепов. В склепе Анфестерия, который был сооружен в первые десятилетия I в. н. э., у двух из изображенных на фреске лошадей имеются городки на стриженной гриве (рис. 3, 2, 3). Гриву «подстриженную городками» отметил в описании фрески еще М.И. Ростовцев (Ростовцев, 1914. С. 176). Отмечу интересную деталь: в правой группе, где всадник ведет в поводу вторую, также оседланную лошадь, городки есть только на гриве той, которая под всадником⁵.

В Стасовском склепе 1872 г., который был сооружен в начале II в. н. э., городки на гриве есть у двух лошадей: у лошади в восточной части росписи задней стены, у которой оставлены два городка в верхней части гривы (рис. 3, 5), и у центральной фигуры в росписи западной части задней стены, которая поражена копьем и изображена в момент падения (рис. 2, 5). На акварели М.В. Фармаковского, сделанной в 1911 г. под наблюдением М.И. Ростовцева при повторной расчистке склепа, когда часть росписей была утрачена, видны два городка в нижней части шеи (Ростовцев, 1914. Табл. LXXIX). Но на рисунке Ф.И. Гросса, сделанном сразу после расчистки росписей, видно, что городков на гриве было четыре (Толстой, Кондаков, 1889. Вып. 2. Рис. 50). Известна неточность Ф.И. Гросса в передаче отдельных нюансов изображения (см. замечание М.И. Ростовцева о точности копирования этой фрески: Ростовцев, 1914. С. 307, сн. 2), но вряд ли копиист добавил от себя такую хорошо заметную деталь. Он, скорее, удалил бы что-то, что показалось ему малозначимым, как это произошло с городками на гриве коня в соседнем склепе, раскопанном в 1873 году.

Этот последний был сооружен рядом и относится к тому же времени; на фреске в центре изображен всадник на лошади, грива которой имеет четыре прямоугольных городка (рис. 2, 11). Именно эта фигурка на рисунке Ф.И. Гросса изображена без городков на гриве, в противоположность второй, в левой части фрески, которая зафиксирована с четырьмя городками (ср.: Толстой, Кондаков, 1899. Вып. 1. Рис. 35). Эта часть росписи сильно пострадала: к 1911 г., когда делалась акварель, сохранилась только голова и верхняя часть шеи с одним городком (рис. 2, 10).

На Боспоре изображения лошадей с гривами, украшенными городками, есть также на надгробном рельефе начала I в. н. э. (Горончаровский, 2000. С. 232 и сл. Рис. 1) и на граффито из Илурата (рис. 3, 4), которое относится к концу II - началу III в. н. э. (Горончаровский, Никоноров, 1987. С. 212).

Изображения лошадей с городками на гривах есть на нескольких серебряных чашах, найденных в Грузии. Все они объединены общим сюжетом изображения на медальонах в центре дна и схожим декором корпуса - волнистыми каннелюрами вокруг медальонов. Концентрация находок в одном регионе и отсутствие прямых аналогов этим сосудам позволяет предполагать их местное, в широком смысле - закавказское изготовление. Выделяется чаша из Бори, стенки которой гладкие, но медальон обрамлен лавровым венком, перевитым лентами. Грива коня на медальоне имеет три аккуратных городка, разделенных короткими параллельными штрихами на пряди (рис. 2, 2).

Аналогичные медальоны украшают две чаши из погребений в Армази. На одной из них лошадь изображена с длинной волнистой гривой, на второй - с гривой, стриженной городками. Городки имеют необычную форму полумесяцев, направленных острыми концами вверх. Автор описывает три городка в форме «лучеобразных пучков» (Мачабели, 1976. С. 81), но на фотографии хорошо видно, что их только два, а третий, вероятно, изображает челку (ср.: Мачабели, 1976. Рис. 4). К.Г. Мачабели публикует еще две чаши, найденные в Згудери. Одна из них плохо сохранилась, автор даже не дает ее описания, у второй сохранился медальон, части стенок и

венчик. Конь на медальоне изображен с коротко стриженной гривой, украшенной тремя «отростками, завершенными вдавленными точками» (Мачабели, 1976. С. 81). Мастер уже не осознавал реальности воспроизводимого элемента стрижки гривы и придал городкам исключительно декоративный характер.

Все пять чаш, безусловно, принадлежат к одной художественной школе, а отличия в декоре могут быть результатом как разницы во времени их изготовления, так и тем, что изготовлены они в нескольких мастерских несколькими мастерами. Сравнивая чаши из Армази с Борийской, Ш.Я. Амиранашвили считал первую пару изделием торевтов начала и середины III в. н. э., хотя найдены они были в одной могиле, а Борийскую относил к более раннему времени - концу I в. н. э. (Амиранашвили, 1950. С. 100). Позже он датировал чаши из Армази тем же временем, что и Борийскую, то есть III в. н. э. (цит. по: Мачабели, 1976. С. 87). Характер художественного решения медальонов и технические особенности изготовления всех пяти чаш с изображениями коня перед алтарем, по мнению К.Г. Мачабели, дают основание считать их изделиями III в., и даже его второй половины (Мачабели, 1976. С. 87). Мне представляется, что такие технические приемы художественной обработки металла, как чеканка, гравировки и др., сами по себе не являются достаточным основанием для датировки тех или иных предметов. Археологический контекст находок в Бори и Армази, заметное в форме всех чаш и стиле медальонов влияние мастеров римского времени заставляют присоединиться к последней датировке Ш.Я. Амиранашвили, исключив из нее I в. нашей эры. Дальнейшее развитие городки как деталь украшения гривы получили в искусстве Ирана эпохи Сасанидов. Как и многие другие, она была заимствована, вероятно, у парфянских мастеров (Луконин, 1977. С. 146) вместе с некоторыми элементами изобразительного канона (например, фронтальным изображением охотящегося всадника и профильным - его лошади) и технологическими приемами (частичная плакировка деталей изображения тонким слоем золота). Лошади с зубчатыми гривами на серебряных сасанидских блюдах не только составляют самую

многочисленную группу, но и дают нам наибольшее многообразие форм городков.

На самых ранних блюдах с изображением Шапура II (309-379) из д. Вереино (Восточное серебро..., 1909. № 5. С. 6) и д. Туршево (Луконин, Тревер, 1987. № 3) на гривах изображено по одному городку в форме широких прямоугольников (рис. 4,2,4), которые близки по форме к городкам на гривах коней на поясных бляхах Сибирской коллекции (ср.: рис. 2, 4, 5). Блюдо из Тегеранского музея (рис. 4, 8) Б.И. Маршак, вслед за Р. Гиршманом (Marschak, 1986. Nr. 3. S. 25), датирует IV веком. Подробный анализ царских одежд, регалий и пр. позволил В.Г. Луконину и К.В.Тревер сузить дату, исключив самое начало IV в. (Луконин, Тревер, 1987. С. 54 и сл.). На этом блюде городок также широкий прямоугольный, но, насколько можно судить по рисунку, в центре его оставлен узкий прямоугольный выступ, а концы приподняты.

На сасанидском серебре конца IV и начала V в. гривы лошадей украшают узкие зубцы прямоугольной формы, как например, на блюдах из д. Керчева с изображением Варахрана IV (388-399)⁶ (рис. 4,3), и из Британского музея, на котором изображен Варахран V (420-438) (рис. 4, 7). Такой же формы зубцы на блюдах середины V в. со сценой охоты Пероза (459-484) из Чилека (рис. 4,5) и из частной коллекции в США (рис. 4,6), на котором изображен Иездигерд II (439-457), охотящийся на зебу. Количество зубцов, оставленных на гривах, обычно равно трем, только на блюде из Британского музея грива имеет четыре зубца, как гривы коней из Керченских склепов.

Поздние образцы сасанидского серебра не дают такого единообразия моделей стрижки гривы. На блюде из Нижне-Шахаровки, которое, вероятно, датируется VII—VIII вв. (Пугаченкова, Ремпель, 1982. С. 231), на гриве лошади грубо проработаны два зубца вытянутой треугольной формы (рис. 4,1). На блюде неизвестного происхождения из коллекции Эрмитажа, которое также относится к позднеасанидскому времени (Луконин, 1977. С. 170; Луконин, Тревер, 1987. № 3), зубцы на гриве необычной формы. Один представляет собой расширяющийся сверху клок волос, подобный зубцам на блюде из Бори, второй - хохолок, как на

костяной пластине из Тахти-Сангина (рис. 2,8).

Видимо, художник уже плохо представлял себе реальную стриженую гриву и копировал какие-то более ранние изображения.

Перечисленные выше материалы показывают, что в древности существовал обычай стрижки лошадиной гривы, когда на ней оставляли один или несколько городков. Территориально этот обычай был распространен по всему поясу Евразийских степей от восточных регионов Центральной Азии до Северо-Восточного Причерноморья, а хронологически он охватывает огромный период: с V-IV вв. до н. э. по VIII в. нашей эры. Изучение многочисленных изображений коней в искусстве Европейской Скифии не выявило подобной манеры оформления гривы, как нет его и в классическом искусстве или в искусстве эллинистического Востока. В то же время не все изображения коней в искусстве ираноязычных кочевников имеют стриженные гривы с городками. Персонажи и сцены, с которыми они связаны - от изображения на Пазырыкском ковре до склепов Пантикапея, - имеют небытовой характер. Это батальные или сакральные сцены, в которых принимают участие, судя по костюму и экипировке, не рядовые кочевники. На сасанидских блюдах со сценами охоты всегда изображены верховные правители Ирана. Не исключено, что такими гривами отмечались лошади высшего сословия кочевников. В пользу этого как будто говорит и изображение на фреске из склепа Анфестерия, где городки на гриве имеет только лошадь с всадником (рис. 3, 2), а вторая, которую он ведет в поводу, с гладкой гривой.

Наиболее ранние изображения городков на стриженных гривах коней связаны с восточно-иранским (сакским) миром и пазырыкской культурой Саяно-Алтая. Здесь изображения городков носят вполне реалистический характер, в наиболее ранних образцах сохраняется разделка поверхности на отдельные пряди, а сами городки прямоугольной или квадратной формы. Исключение составляет изображение на Пазырыкском ковре, но на нем, вероятно, передан городок, заплетенный в косицу.

По мере распространения к югу и западу от районов Внутренней Азии, где эта традиция, скорее всего, возникла, изображения

городков трансформируются, приобретая все большую условность и схематичность. Выше отмечалось, что стрижка гривы городками, как и многие элементы вооружения и экипировки коня, была заимствована южными оседлыми соседями кочевников Внутренней Азии. В западном и юго-западном направлении этот обычай распространяется вместе с аланами по мере передвижения их на запад вплоть до Северного Кавказа и Причерноморья (Раев, 2009). Воспринятый соседними кочевыми или полукочевыми племенами, этот обычай перестает быть традиционным для какой-то определенной этнической группы. Можно полагать, что, попав вместе с кочевниками в южные и юго-западные районы Центральной Азии, он отразился в искусстве не только Бактрии, но и Парфии.

С мастерскими последнего региона я связываю изготовление круглодонного сосуда из Косики. Не имея возможности в рамках данной работы рассмотреть этот вопрос, отмечу только, что стилистически, технологически, да и хронологически кубок из Косики может быть отнесен к сосудам, изготовленным в мастерских эллинистического Востока. Предположение о существовании некоей «сарматской школы

торевтики» (Трейстер, 1994. С. 199 и сл.) является не более чем умозрительным заключением, построенным на спорном прочтении фрагментированной надписи (Виноградов, 1994; ср.: Перевалов, 2008. С. 286 и сл.). Мастер, который изготовил сосуд, скорее всего, был связан с кочевой средой, чем можно объяснить детальную, «архаизированную» манеру изображения городков на сосуде из Косики, когда они разделены на отдельные пряди.

Мастерские, в которых работал этот мастер, Ю.Г. Виноградов (1994. С. 158) считал армянскими, М.Ю. Трейстер (1994. С. 202) помещал их при ставках сарматских скептухов⁷. К мнению последнего присоединился и С.М. Перевалов (Перевалов, 2008. С. 287). Мне представляется, что всеми характерными особенностями серебряные сосуды из курганов Нижнего Поволжья так или иначе связаны с Парфией. Выстраивать на их специфике гипотезу о существовании «школы Ампсалака» у нас есть не больше оснований, чем говорить о существовании в Петровскую эпоху русской школы судостроения на том основании, что на верфях Голландии в начале XVIII в. трудились русские мастеровые-ученики.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

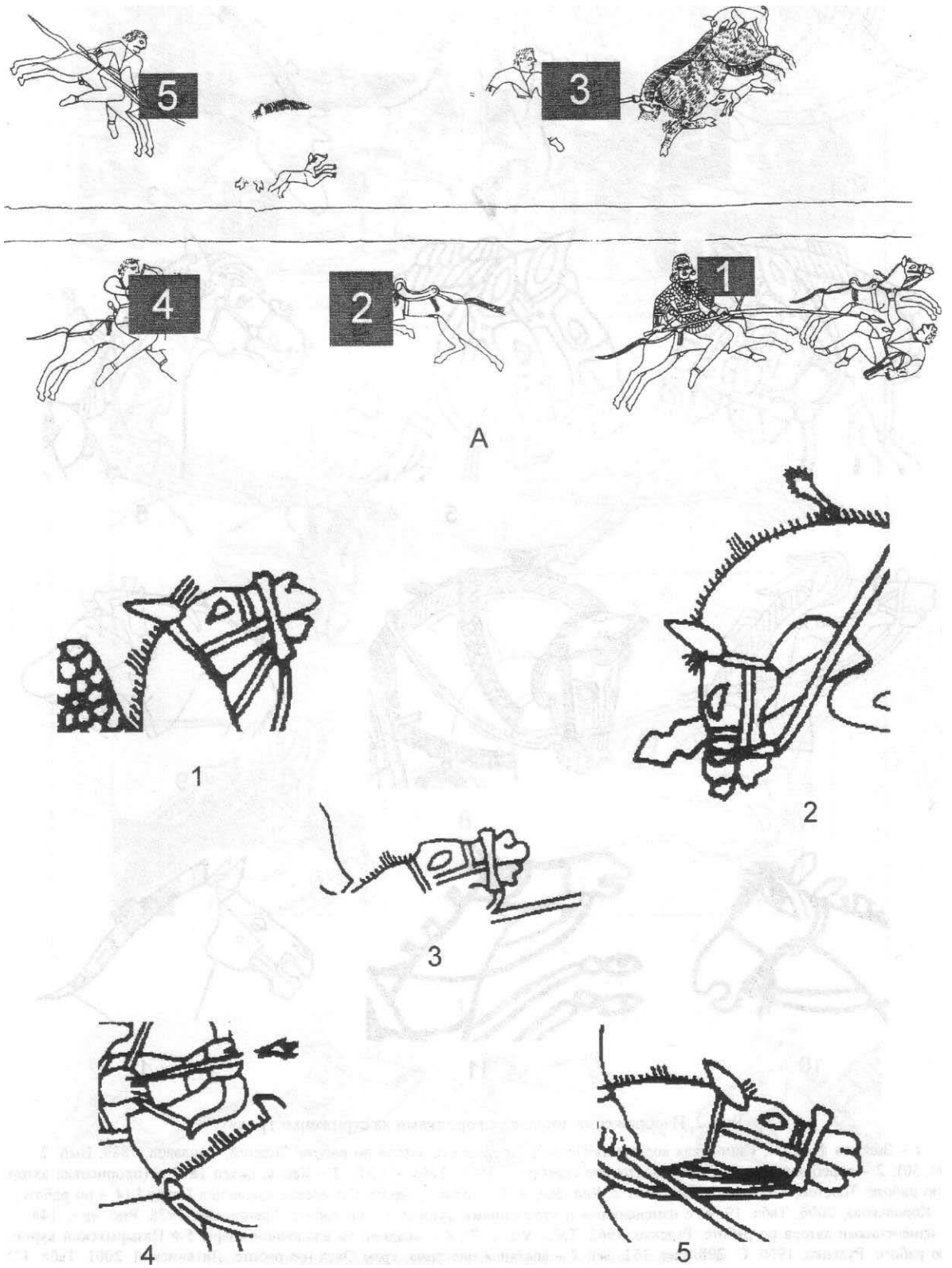

Рис. 1. Косика, серебряный кубок. Прорисовка В.К. Гугуева
(заливкой выделены выкопированные и масштабированные автором участки)

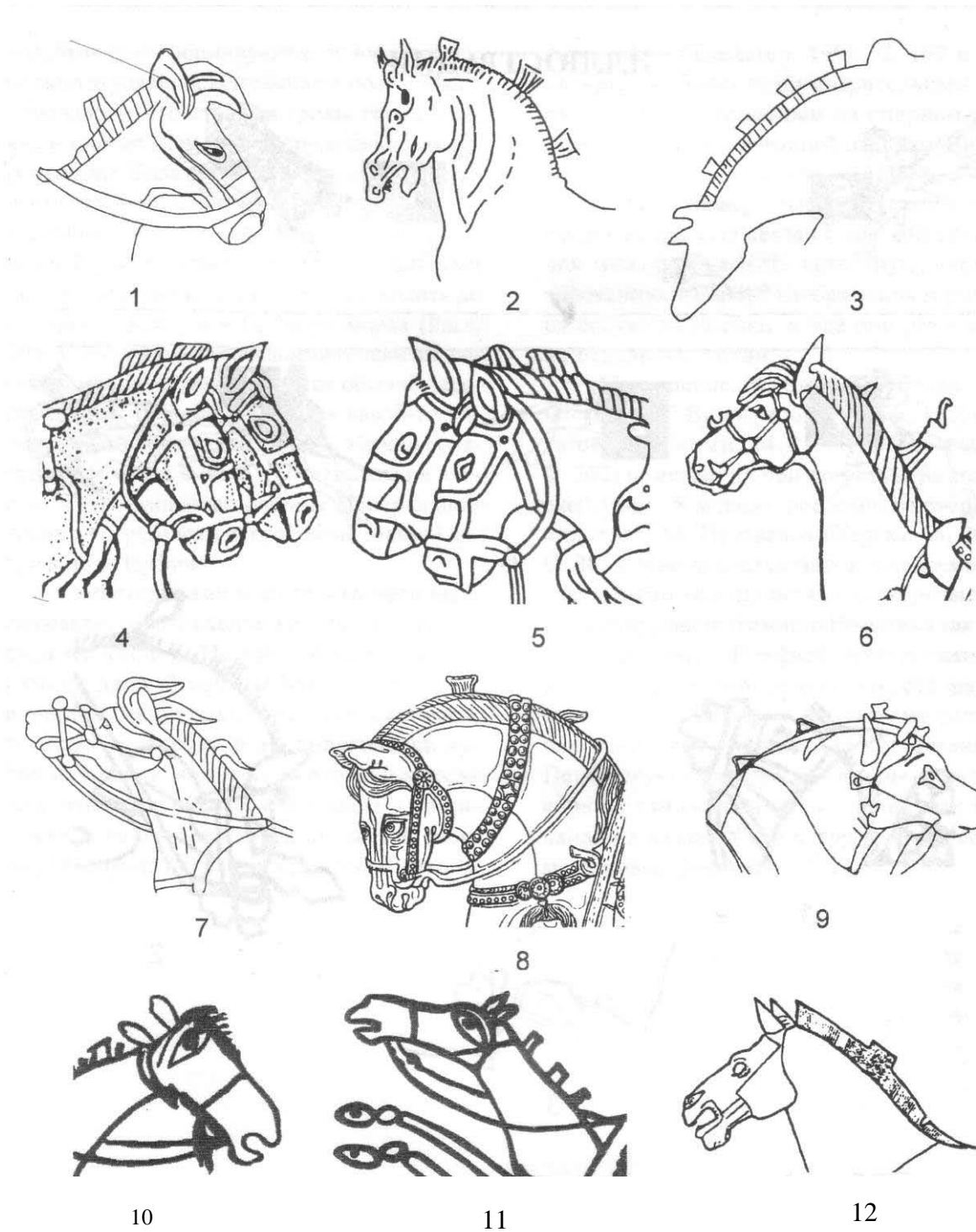

Рис. 2. Изображения лошадей с городками на стриженных гривах:

- 1 - Золотая фигурка, Сибирская коллекция Петра I (прорисовка автора по работе: Толстой, Кондаков, 1889. Вып. 2. Рис. 50); 2 - серебряная чаша, Бори (Восточное серебро..., 1909. Табл. СХХI); 3 - Керчь, склеп 1872 г. (прорисовка автора по работе: Толстой, Кондаков, 1889. Вып. 2. Рис. 50); 4, 5 - золотые бляхи, Сибирская коллекция Петра I (4 - по работе: Королькова 2006. Табл. 19, 4; с изменениями и уточнениями автора; 5 - по работе: Мачинский, 1978. Рис. на с. 144; с изменениями автора по работе: Руденко, 1962. Табл. VII, 1, 7); 6 - всадник на войлочном ковре, 5-й Пазырыкский курган (по работе Руденко 1960. С. 298. Рис. 152, *ж*); 7 - костяная пластина, храм Окса (по работе: Литвинский, 2001. Табл. 12); 8 - серебряное блюдо, Эрмитаж (по работе: Толстой, Кондаков, 1890. Вып. 3. Рис. 84); 9 - Дура-Европос (по работе: Пуасов, 2003. PI. VIII, 3; масштабированная прорисовка автора); 10, 11 - Керчь, склеп 1873 г. (прорисовка автора по работе: Ростовцев, 1914. Табл. LXIV, 1); 12 - глиняная фигурка, гробница Цинь Шихуанди (по работе: Пуасов, 2003. PI. IV, 1)

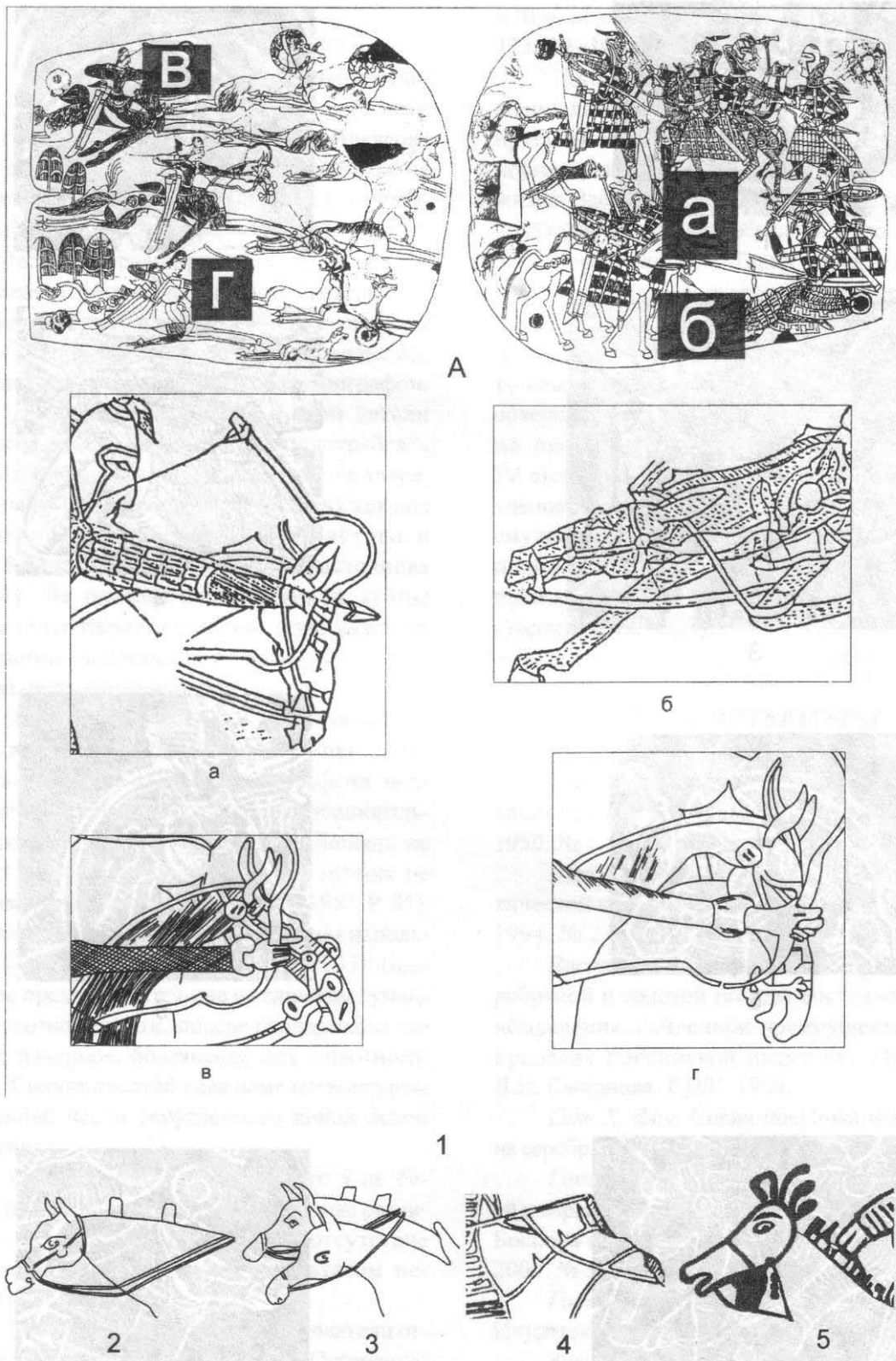
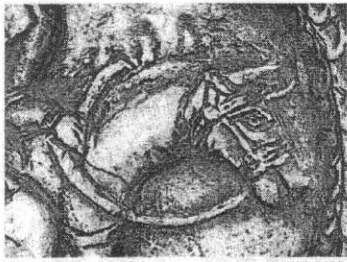
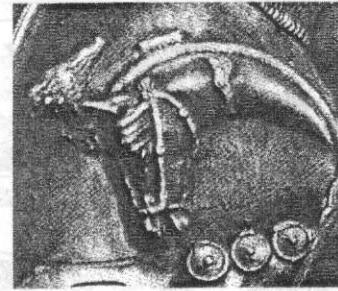

Рис. 3. Изображения лошадей с горокками на стриженных гривах:

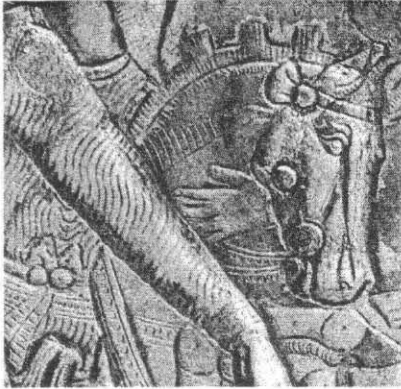
- 1 - Орлат, костяные поясные пластины: А - общий вид (по работе: Пуясов, 2003. Pl. VII; заливкой выделены выкопированные участки), а, б - детали левой пластины (прорисовка А. М. Савина с оригинала), в, г - детали правой пластины (масштабированная прорисовка автора по работе: Пуясов, 2003^а Pl. VII);
 2, 3 - склеп Анфестерия (масштабированная прорисовка автора по работе: Ростовцев, 1914. Табл. LI, 6);
 4 - граффито из Илурата (по работе: Шургая, 1983. Рис. 4); 5 - Керчь, склеп 1872 г. (прорисовка автора по работе: Ростовцев, 1914. Табл. LXXVIII, /)

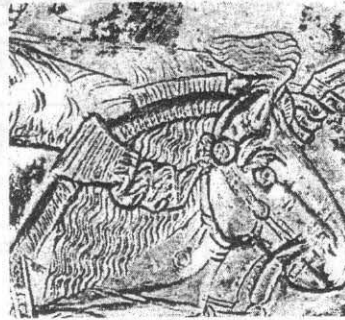
1

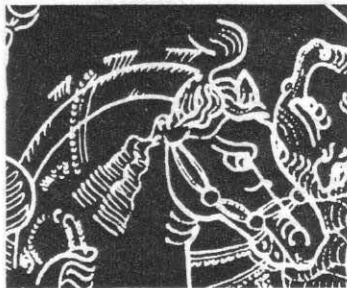
2

3

4

5

6

Рис 4 Изображения лошадей с городками на стриженных гривах:

1977. С-166) 77-Д- Керчева (по работе: Восточное серебро..., 1909. * 53. Табл. XXV), - д [АА]»
Восточное серебро..., 1909. № 57. Табл. XXIX); 5 - Чилек (по работе: Marschak, 1986. Abb. 6S. 27 ff.) 6 Мер I)
(по работе: Marschak, 1986. Abb. 9. S. 27); 7 - Северная Индия (по работе: Marschak, 1986. Abb. 6. S. 27), «Иран
(по работе: Marschak, 1986. Abb. 3. S. 25)

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Эта статья была подготовлена к печати, когда я смог ознакомиться с работами В.А. Горончаровского (2000) и Дж. Ильясова (Pugasov, 2003), из которых узнал о статье на эту же тему О. Меншен-Хельфена, вышедшей в 1957 году. Хотя наши выводы во многом совпадают, расширившаяся за 50 лет источниковая база и ряд нюансов, которые не рассматривались в статье 1957 г., позволяют опубликовать мой текст почти без изменений, снабдив его, справедливости ради, эпиграфом.

2 Далее применительно к этой детали стрижки конской гривы я буду употреблять термин «городок» в значении «зубец в узоре, вышивке в оборке, подзоре» (В. Даль), как она называлась в работах И.И. Толстого и Н.П. Кондакова (1889) и М.И. Ростовцева (1914). На ранних изображениях зубцы разделены параллельными штрихами на отдельные «волоски», и их правильней было бы называть «хохолки» или «клок».

3 Аналогичное мнение в устной беседе со мной высказал А.В. Симоненко. Я присоединяюсь к мнению О. Меншен-Хельфена, поддержанному Дж. Ильясовым, что функционально такой клок волос бесполезен. Лошадь не бежит быстрее, а сидящий на ней лучник не стреляет лучше (Maenchen-Helfen, 1957. P. 85), при посадке с тем же успехом можно использовать ухо лошади (Pugasov, 2003. P. 237). Последнее представляется мне не слишком гуманным по отношению к лошади: поддержка за ухо будет, наверное, болезненна для животного!

4 Силуэт десятой едва намечен контуром в верхней части скругленного конца левой пластины.

5 Определенно утверждать это я не берусь; при сильном увеличении на гриве различимы два маленьких бугорка, и отсутствие зубцов может быть лишь результатом небрежности копииста.

6 Это блюдо некоторые исследователи относят к более позднему времени (Пугаченкова, Ремпель, 1982. С. 241). Ранняя датировка, основанная на детальном анализе изображений всадника, коня и животных, выглядит более аргументированной. Рядом с надписью процарапана тамга, которая встречается на монетах в среднем течении Сырдарьи с I по

VIII в. н. э. (Ср.: Яценко, 2001. Рис. 28, 124, 125; 29, 39, 40).

⁷ Автор статьи, безусловно, крупнейший специалист в области античной торевтики, пришел к такому парадоксальному выводу, игнорируя специфику и реалии кочевого образа жизни. Здесь моего уважаемого коллегу подвело качество, которое обусловило, по мнению М. Уилера, ошибки В. Тарна в оценке поступков Александра Великого в Персеполе: «...сэр Вильям Тарн, уединившись в Шотландии XX века, не имел случая приобрести достаточный опыт военных экспедиций, совершаемых в возрасте 26 лет вдали от дома на пространствах огромного материка в IV столетии до нашей эры. При всей его учености и остром уме правильно понять эпоху ему помешало одно свойство, которое отметил проницательный Ростовцев: сэр Тарн был, прежде всего, английским джентльменом» (Уиллер, 1972. С. 22).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амираншвили Ш.Я. Две серебряные чаши из раскопок в Армази (Грузия) // ВДИ. 1950. № 1.

Виноградов Ю.Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н. э. // ВДИ. 1994. №2.

Восточное серебро: Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи / Предисл. Я.И. Смирнова. СПб., 1909.

Галь Х. фон. Сцена поединка всадников на серебряной вазе из Косики // ВДИ. 1997. № 2.

Горончаровский В.А. Между Империей и варварами: военно-политическая история Боспора на рубеже нашей эры // Stratum plus. 2000. №3.

Горончаровский В.А., Никоноров В.П. Илуратский катафрактарий//ВДИ. 1987. № 1.

Завитухина М.П. Золотая фигурка конного лучника V-IV вв. до н. э. - художественное произведение круга Сибирской коллекции Петра I // СГЭ. Вып. LIV. 1990.

Иванов А.А., Луконин В.Г., Смесо-ваЛ.С. Ювелирные изделия Востока: Древний, средневековый периоды. М., 1984.

Королькова Е. Ф. Звериный стиль Евразии: Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII-IV вв. до н. э.). СПб., 2006.

Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии. Т. 2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М., 2001.

Луконин В.Г. Искусство Древнего Ирана. М., 1977.

Луконин В.Г., Тревер К.В. Сасанидское серебро. М., 1987.

Мачабели К.Г. Позднеантичная торевтика Грузии. Тбилиси, 1976.

Мачинский Д.А. Пектораль из Толстой Могилы и великие женские божества Скифии // Культура Востока: Древность и раннее средневековье. Л., 1978.

Маслов В.Е. О датировке изображений на поясных пластинах из Орлатского могильника // Евразийские древности: ЮОлетБ.Н. Гракову: Материалы, публикации, статьи. М., 1999.

Перевалов С.М. Царь Артеваз косикской надписи // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий: (Юбилейные XXV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа). Владикавказ, 2008.

Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV-III вв. до н. э.). Новосибирск, 2005.

Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Очерки искусства Средней Азии: Древность и средневековье. М., 1982.

Раев Б.А. Ранние аланы и горные системы Евразии: выбор экологической ниши // Вклад кочевников в развитие мировой цивилизации. Алматы, 2009.

Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914.

Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; JL, 1960.

Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I // САИ. Вып. Д 3-9. М.; Л., 1962.

Толстой И.И., Кондаков Н.[П.]. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 1. Классические древности Южной России. СПб., 1889; Вып. 2. Древности скифо-сарматские. СПб., 1889; Вып. 3. Древности времен переселения народов. СПб., 1890.

Трейстер М.Ю. Сарматская школа художественной торевтики (к открытию сосуда из Косики) // ВДИ. 1994. № 1.

Уилер М. Пламя над Персеполем. Поворотный момент истории. М., 1972.

Шургая И. Г. Изображение всадника и коня из Илурата // КСИА. Вып. 174. М., 1983.

Яценко С.А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М., 2001.

Ilyasov J. Covered Tail and «Flying» Tassels // Iranica Antiqua. Vol. XXXVIII. 2003.

Maenchen-Helfen O. Crenelated Mane and Scabbard Slide // Central Asiatic Journal. Vol. III. Nr. 2. 1957.

Marshak B.I. Silberschlitze des Orients. Leipzig, 1986.

SUMMARY

CRENELATED MANES AND MIGRATIONS OF NOMADS: ON A FEATURE OF THE EXTERIOR OF THE HORSE

B.A. Raev

A large series of images of horses with crenelated manes on toreutics, applied art, and frescoes on the vast area spanning from Inner Asia to the Northwest Caucasus was researched. Their chronological span is also considerably big: from the 5th century BC to the 8th century AD. The earliest images come from the eastern periphery of the Eurasian steppes and Altai, and the latest ones appear on the silver plates with the Royal hunting scenes of Sasanian Iran.

The images of crenelated manes are known outside of Central Asia, for example on several clay sculptures of horses from the tomb of Qin Shihuangdi. This type of the horse-mane style, as well as some other elements of the bridle and arms, was borrowed by the Chinese from their northern nomadic neighbors.

«Стриженные гривы» и миграции кочевников

In the process of moving to Central Asia, to the west and southwest, the images of crenelated manes have later dates, indicating the direction of the migrated nomadic hordes, the bearers of this tradition. Accepted by the neighboring nomadic or semi-nomadic tribes, this style is no longer a traditional one for a certain specific ethnic group. During the intensive penetration of nomads from the East to the steppes of Eastern Europe in the first centuries AD, the images of crenelated manes appear on the Bosporan wall paintings of funeral chambers, gravestones, and graffiti. Similar images there are on silver bowls that were made in the workshops of the Hellenized East (Parthia?) found in Georgia, in graves dated to the first centuries AD. Almost all the horses on the Sasanian silver dishes with hunting scenes have crenelated manes. The meaning of this mane style was lost for the Sasanian artisans and they depicted the crenels as decorative elements.